

УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ

ПЕТРАШЕВЦЫ

П.Я. КАНН

ПЕТРАШЕВЦЫ

ЛЕНИЗДАТ · 1968

1

...Петрашевцев судили заочно, и приговор они узнали только на эшафоте.

После восьми месяцев заточения, ранним утром 22 декабря 1849 года, к обер-комендантскому дому Петропавловской крепости подъехало множество карет, стянулись отряды конной жандармерии. Загремели ключи в тюремных замках, и служители выдали узникам ту одежду, в которой они были доставлены в Петропавловскую крепость.

— Для чего это? Куда нас повезут? Окончено наше дело? — обеспокоенно спрашивали заключенные.

Ответа они не получали. Узников торопливо выводили на крепостной двор и поодиночке рассаживали в кареты. Рядом с каждым заключенным садился солдат... Кареты выехали из крепости, пересекли Неву, повернули на Кирочную улицу, на Знаменскую, через Лиговку¹ и поехали по Обводному каналу.

¹ Соответственно ныне — улица Салтыкова-Щедрина, улица Восстания и Лиговский проспект.

Узников привезли на Семеновский плац (ныне Пионерская площадь), вывели из карет. Ровное гладкое поле, покрытое белой пеленой снега, было окружено шеренгами войск. На валу, у края площади, стояли тысячные толпы. Только что взошедшее солнце красным шаром просвечивало сквозь туман облаков.

Здесь, на плацу, перед эшафотом, петрашевцы встретились впервые после долгих месяцев одиночного томления в стенах Петропавловской крепости. Бросились в глаза страшные перемены в облике сотоварищей по кружку. Лица были худые, замученные, бледные. Особенно поразил вид Спешнева — он прежде выделялся среди петрашевцев силой, цветущим здоровьем. Его когда-то круглое лицо вытянулось и стало болезненно желтым, синие пятна под ввалившимися глазами, длинные волосы, большая борода — все это сделало Спешнева неузнаваемым.

Нахмуренный и мрачный стоял Петрашевский. Голова его была словно укутана спутанными прядями волос, густой бородой, слившейся с бакенбардами...

Приветствия и объятия узников прервал приказ подскакавшего на коне генерала:

— Теперь нечего прощаться! Становите их...

Появился человек с листом бумаги в руках. Он по списку называл фамилии, и по этим вызовам первым в ряду был поставлен Петрашевский, за ним — Спешнев, потом Момбелли... Достоевский... Филиппов... Ахшару-

мов... Двадцать один человек! К шеренге подошел священник с крестом в руке.

— Сегодня вы услышите справедливое решение вашего дела, последуйте за мною! — сказал он.

Петрашевцев повели к эшафоту. Но не прямым, а круглым путем, вдоль войск, сомкнутых в каре. Этот маневр преследовал цель припугнуть стоявших в каре: лейб-гвардии Московский полк, в котором служил шедший на эшафот Момбелли, лейб-гвардии егерский, где служил Львов, и конно-гренадерский, в котором служил Григорьев. У эшафота стояли три серых столба, врытых в землю. Участники шествия роняли слова:

— Для чего столбы?

— Привязывать будут, военный суд, — казнь расстрелянием...

Мрачная процессия поднялась на эшафот. Вновь появился чиновник со списком в руках. Петрашевцев выстроили в два ряда, приказали:

— Шапки долой!..

У тех, кто медлил, шапки срывали стоявшие позади солдаты. Чиновник в мундире каждому узнику читал приговор. Читал быстро и невнятно, даже смысл улавливался не всегда. После изложения «вины» следовала одна и та же фраза: «подвергнуть смертной казни расстрелянием»...

Закончив чтение, чиновник сошел с эшафота. На осужденных надели предсмертное одеяние — белые капюшоны и балахоны. Сразу же несколько солдат подошли к Петрашевскому,

Спешневу и Момбелли, взяли их за руки, свели с эшафота и начали привязывать к врытым в землю столбам.

Руки каждого связали за спиной, позади столбов. Поверх веревок затянули ремни.

Раздалась команда:

— Капюшоны надвинуть на глаза!

Еще команда:

— На прицел!

Шестнадцать солдат подняли ружья и навели их на привязанных смертников. Предвещающая ружейный залп, загрохотали барабаны...

Вдруг к месту казни подъехал экипаж. Прибыл флигель-адъютант Ростовцев — посланец царя. Он привез бумагу, в которой возвещалось о «милости» Николая I. Флигель-адъютант приступил к чтению царского повеления... Петрашевский вместо смертной казни приговаривался к каторжным работам в рудниках без срока; Момбелли и Григорьев — на 15 лет; Львов — на 12 лет, Спешнев — на 10 лет и т. д. Почти все осужденные, кроме двух, лишались всех прав состояния...

Как писал А. И. Герцен, «все это было простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным государем. Генерал Ростовцев объявляет приговоренным, что царь дарует им жизнь. Напрашивается мысль, что из всех генералов был выбран именно этот для объявления милости потому, что он был зайкою».

С петрашевцев сняли белые балахоны и капюшоны. На эшафот поднялись двое палачей.

Они поставили на колени осужденных и над головой каждого из них сломали шпагу. После этого каждый из осужденных получил арестантскую шапку, грязный овчинный тулуп и сапоги... Затем была принесена и брошена на середину эшафота гряда кандалов. Двое кузнецов надевали на ноги осужденным тяжелые железные кольца и заклепывали их. Петрашевский, выхватив молот у одного из кузнецов, сам стал заклепывать на себе кандалы. К помосту тем временем подъехала кибитка с фельдъегерем. Петрашевскому приказали сесть в нее. Он возразил:

— Я еще не окончил все дела!

— Какие у вас еще дела? — недоуменно спросил генерал, подъехавший к эшафоту.

— Я хочу проститься с моими товарищами! — отвечал Петрашевский.

Он сделал первый шаг в кандалах. Ноги с непривычки подкосились. Но Петрашевский обошел всех своих товарищей, каждого поцеловал, еще раз низко поклонился всем и с трудом сошел с эшафота. В кибитку рядом с Петрашевским сели фельдъегерь и жандарм. С Семеновского плаца курьерская тройка на рысях повлекла кибитку в Сибирь.

Остальным узникам было объявлено, что до отправки в каторжные работы и в ссылку они будут возвращены в Петропавловскую крепость. Осужденные получили возможность переговорить между собой. Но волнение еще не улеглось. Некоторые не могли вымолвить ни слова, а Ипполит Дебу сказал Ахшарумову:

— Лучше бы уж расстреляли!

Стали подъезжать кареты, в них усадили осужденных. Конные жандармы с обнаженными саблями проконвоировали петрашевцев в Петропавловскую крепость. Вскоре отсюда их развезли по другим крепостям, по острогам, по далеким сибирским тюрьмам.

Перевертывалась еще одна страница освободительного движения в России.

Кто же такие петрашевцы? Какие события предшествовали этому декабрьскому дню 1849 года?

2

...7 апреля 1849 года состоялся торжественный обед петрашевцев. Со стены пронзительно и строго смотрел седой и взъерошенный Шарль Фурье. Большой, поясной портрет специально был выписан из Парижа: праздновался день рождения великого философа-утописта.

Молодой чиновник Дмитрий Ахшарумов, влюбленно глядя на портрет Фурье, подняв бокал, произносил речь.

— Мы, — восторженно говорил он, — празднуем грядущее искупление человечества сегодня, именно сегодня, в день рождения Фурье, чтим его память, потому что он указал нам путь, по которому идти... Сегодня первый обед фурьеристов в России, и все они здесь: десять человек, немногим более. Все начинается с малого и растет до великого... Всю эту жизнь мучений, бедст-

вий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, в жизнь веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша. Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий...

Кроме Ахшарумова с застольными речами выступили М. В. Петрашевский, А. В. Ханьков, И. М. Дебу. Они не знали еще, что, мечтая о лучшем будущем, о счастье человечества, они совершают этим «государственное преступление»; не знали, что на следующий день приставленный к ним полицейский шпион сдаст донесение об очередной встрече участников кружка Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского. Они не знали, что спустя несколько недель этот торжественный обед и произнесенные застольные речи будут поставлены им в вину как одно из преступлений, караемых смертной казнью.

Предмет поклонения петрашевцев — французский мыслитель Шарль Фурье (1772—1837), подобно другим утопистам-социалистам — Сен-Симону и Оуэну, пытался создать социальную науку, которая принесла бы человечеству избавление от нищеты, бедствий и других пороков буржуазного общества. Фурье был непримирим к несправедливостям общественного строя. Его возмущало то, что, например, «врач желает своим согражданам часто и длительно болеть лихорадкой... Архитектору нужен пожар, который превратил бы в пепел

четверть города, а стекольщик радуется граду, который перебил бы все стекла... Суд считает желательным, чтобы Франция продолжала ежегодно совершать 120 000 преступлений, подлежащих судебному разбирательству, чтобы кормить сотрудников уголовных судебных палат...» Фурье учил, что развитие производства (в рамках буржуазного строя) несет не счастье, а бедствия трудящимся, что общество идет навстречу порабощению всех граждан союзами монополистов.

Высоко оценивая лучшие работы этого мыслителя, Энгельс отмечал, что Шарль Фурье «беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира...»¹ Но утописты, однако, не поняли и в свое время не могли понять историческую роль пролетариата. Эти мыслители, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», защищали главным образом интересы рабочего класса, как наиболее страдающего класса. Только в таком качестве, наиболее страдающего класса, и существовал для них пролетариат.

Фурье, как Сен-Симон и Оуэн, категорически отвергал идею революционных действий, и своей цели хотел достигнуть без классовой борьбы, без пролетарской революции, главным образом методом убеждения «сильных мира сего». В частности, он считал, что общество должно быть разделено на «фаланги» — своеобразные производственно-потребительские

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

тельские ассоциации. Каждая фаланга разместится в особом здании — «фаланстере», где будут находиться не только жилые помещения, но и столовые, библиотеки, мастерские. В фаланге сохраняется классовое неравенство: в ней состоят и капиталисты, вносящие свои капиталы, и бедняки, которые покрывают свой пай личным трудом.

Пропагандистами фурьеристских идей и считал себя и своих товарищей Петрашевский.

Но петрашевцы не только разделяли и распространяли учение Фурье. Их взгляды сформировались в условиях, когда в России вызрела первая революционная ситуация. Это было время тирании, время николаевской монархии. Это было, говоря словами А. И. Герцена, «удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения».

Разгромлено было восстание декабристов, но дело их не пропало. Ввергнутые в каторжные норы, лучшие люди России твердо верили, что «из искры возгорится пламя». Искры будущего пожара вспыхивали по городам и весям Российской империи. Углублялся кризис феодально-крепостнической системы, обострялись классовые противоречия, все чаще восставали крепостные крестьяне. Передовые слои русского общества напряженно следили также и за событиями в Западной Европе. Приближался 1848 год — грозный для буржуазии и феодальной аристократии, год революций, год выхода в свет программной работы К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифеста Ком-

мунистической партии». Недаром Д. Д. Ахшарумов — активный участник собраний кружка Петрашевского — говорил: «Наше возбужденное, как бы протестующее, состояние и было настоящим отголоском событий, совершившихся в Европе в 1848 году».

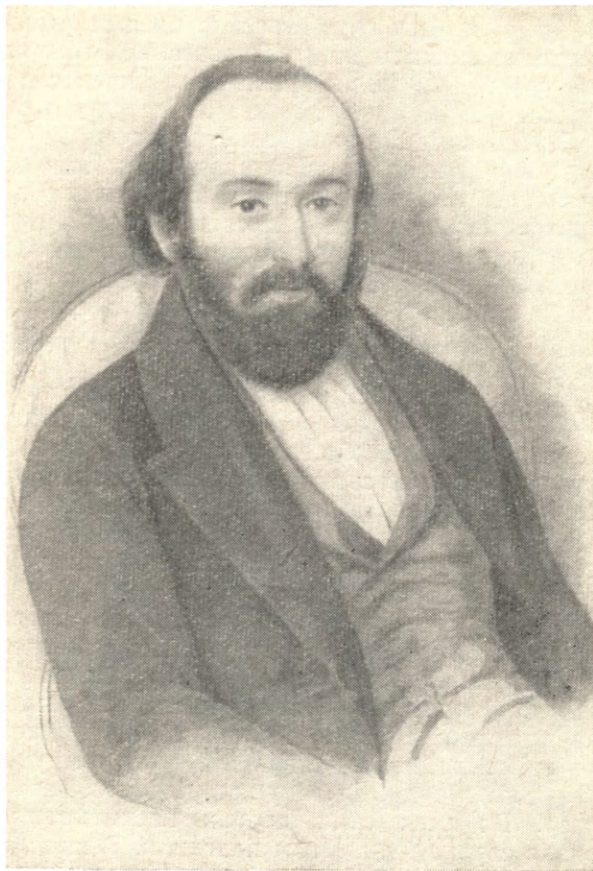
Другими словами, после того как 14 декабря 1825 года прогрохотали картечью пушки Николая I на Сенатской площади, затишья в России не наступило. В стране неуклонно шло накопление сил для нового взрыва.

В этих условиях «появление кружков, — писал А. И. Герцен, — было естественным ответом на внутреннюю потребность русской жизни».

В отличие от замкнутой в своей среде организации дворянских революционеров — декабристов, деятельность кружка Петрашевского была отмечена первыми попытками опереться на народные массы.

Сам Петрашевский (1821—1866) был дворянином, помещиком. В Новоладожском уезде Петербургской губернии ему — совместно с матерью и четырьмя сестрами — принадлежало имение в 250 душ. С 1840 года он служил переводчиком в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел.

Еще во время обучения в Александровском лицее Петрашевский был «замечен в вольнодумстве». После лица он, в качестве вольнослушателя, посещал занятия на юридическом факультете Петербургского университета, увлекался лекциями В. С. Порошина — профес-

М. В. Буташевич-Петрашевский. 1860 г.

сора политической экономии и статистики, который знакомил слушателей с идеями утопического социализма, сочувственно говорил об учении Фурье, критиковал крепостное право.

В 1840 году Петрашевский приступил к работе над рукописью «Мои афоризмы или обрывочные понятия обо всем, мною самим порожденные», где излагал свои мысли о преимуществах республиканского строя, о необходимости выборности всех должностных лиц, о свободе печати, о веротерпимости, о свободе торговли и необходимости уничтожения национального гнета.

После завершения занятий в университете в 1842—1843 годах Петрашевский написал записку «Запас общепольного», в которой впервые изложил свои фурьеристские взгляды. Систему Фурье он изучил, по свидетельству Ф. М. Достоевского, «до мельчайших подробностей». Петрашевский и сам надеялся «на своем веку жить в фаланстере».

Трудно сказать, сколь достоверно сохранившееся предание о том, что, воодушевленный фурьеристской идеей, Петрашевский в 1847 году сделал попытку применить эту идею на практике. В принадлежавшем ему выселке из семи дворов, стоявшем неподалеку от уездного города, он задумал устроить фаланстер. Во всех семи дворах насчитывалось около сорока душ. Избы подгнили. В выселке не было ни одной коровенки. И вот Петрашевский предложил крестьянам бросить свои «развалюхи», съехать с болота, построить на

сухом месте одну просторную избу — фаланстер, где поместились бы все семь семейств, каждая в отдельной комнате, но с общей кухней и с общим «залом» для работ зимой и для посиделок. Петрашевский обещал за свой счет возвести этот дом, амбары, купить плуги, бороны, другие орудия и всю нужную домашнюю утварь. Крестьяне не стали перечить своему помещику, нехотя согласились... Но они не были воодушевлены идеей этого фаланстера, и когда Петрашевский, приехав в свое имение, водил крестьян на строительство нового дома и спрашивал — довольны ли они, то, как рассказывает В. Р. Зотов (бывший соученик Петрашевского по лицу), крестьяне «ходили за ним по постройке с видом приговоренных к тюремному заключению, бормотали угрюмо: „Много довольны! Как будет угодно вашей милости!“» Но дело не удалось довести до конца. Сказалась утопичность, искусственность всего этого замысла. Накануне переезда крестьянских семейств в новый дом, построенный на опушке соснового бора, крестьяне подожгли «фаланстер», и он сгорел со всей новой утварью, со всеми подсобными постройками.

С горечью посмотрел Петрашевский на обгорелые балки, вздохнул тяжело и вернулся в Петербург. Он не озлобился на крестьян, не отказался от своей идеи и лишь пришел к выводу, что нужен ряд лет, чтобы к людям, «искаженным предшествующей жизнью», могли быть применены непонятные им идеи Фурье.

Петрашевский жил в Коломне, в маленьком деревянном домике с резным коньком на крыше и такими же резными, нарядными наличниками.

В ту пору Коломна была дальним и мрачным уголком столицы. В этом районе, ограниченном гранитными берегами Мойки, Фонтанки и Крюкова канала, издавна селились вышедшие на пенсию чиновники, отставные офицеры невысоких чинов, ремесленники, мастеровые, вдовы-салопницы — любительницы перин и кофе.

Н. В. Гоголь так живописал Коломну: «Тут все не похоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желания и порывы. Сюда не заходит будущее...»

В наши дни бывшая Покровская площадь — центр старой Коломны — носит имя Тургенева. На месте стоявшей здесь ранее церкви раскинулся тенистый сквер. А огромный новый многоэтажный дом № 111 по Садовой улице ничем не напоминает стоявший здесь в те давние времена домик чиновника Буташевича-Петрашевского — место проведения знаменитых «пятниц» созданного им кружка.

...По скрипучей лестнице этого домика поднимались гости. Вначале на собраниях бывало около двадцати человек, а под конец деятельности кружка — до пятидесяти. Собрания продолжались обыкновенно часов до двух или

трех ночи и кончались скромным ужином. Вход на «пятницы» был свободен. (Позже Петрашевский показывал следственной комиссии: «ко мне всякий мой знакомый водил кого хотел».) Комиссия установила, что Петрашевский приглашал к себе гостей «преимущественно из воспитателей, молодых литераторов и студентов... чтобы потрясать умы социальными книгами, разговорами и речами», причем цель, поставленная Петрашевским, состояла в том, чтобы «мало-помалу нанести удар правительству и настоящему порядку вещей».

Вначале «пятницы» были заполнены преимущественно литературными спорами, отвлеченными дискуссиями о социалистических учениях. Но вскоре эти темы отошли на второй план, — в центре внимания кружка оказались социальные противоречия России, а в 1848—1849 годах квартира Петрашевского стала по существу политическим клубом. Клуб на Покровской площади имел свои «филиалы». С осени 1848 года собирался кружок Н. С. Кашкина; зимой 1848/49 года С. Ф. Дуров и А. И. Пальма создали свой кружок, собрания которого проходили у Н. А. Спешнева и братьев Дебу...

Ахшарумов в своих мемуарах вспоминает, что «пятницы» представляли собой «интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства; сюда приносились городские новости, здесь говорилось громко обо всем без всякого стеснения».

Открытое, совершенно невиданное в условиях николаевского режима вольнодумство волновало новых участников «пятниц». А. Г. Рубинштейн, в ту пору молодой пианист, рассказывал в своих воспоминаниях о том, как он был поражен, впервые придя в дом Петрашевского и услышав здесь открытое чтение «социалистического и коммунистического трактата». Но даже тогда, когда на очередной «пятнице» обсуждались вопросы литературы, — все равно избранная тема приобретала политическое звучание. Один из сподвижников Петрашевского, знаменитый впоследствии географ П. П. Семенов-Тян-Шанский вспоминал, что чтение Ф. М. Достоевским отрывков из своих повестей «Бедные люди» и «Неточка Незванова» вылилось в страстный протест против крепостного права.

Неудивительно, что молва о собраниях в доме Петрашевского все шире разносилась по Петербургу.

Важнейшим средством распространения идей кружка была устная и печатная пропаганда. На одной из «пятниц» Петрашевский давал советы о том, как вести пропагандистскую работу («Как поселять свои идеи в публике»). П. П. Семенов-Тян-Шанский в своих мемуарах пишет, что Петрашевский «представлял замечательный тип прирожденного агитатора: ему нравились именно пропаганда и агитаторская деятельность, которую он старался проявить во всех слоях общества». Ученый рассказывает любопытный эпизод: Петрашевский для целей пропаганды решил посту-

пить учителем в одно из военно-учебных заведений и на вопрос генерала — какие предметы он может преподавать — назвал одиннадцать предметов. «Когда же его допустили к испытанию в одном из них, — рассказывает мемуарист, — он начал свою пробную лекцию словами: «На этот предмет можно смотреть с двадцати точек зрения», и действительно изложил все двадцать...»

Основной формой пропаганды взглядов петрашевцев служили собрания кружков, особенно «пятницы» в Коломне. Однако петрашевцы использовали и другие возможности. Преподаватели кадетского корпуса П. И. Белецкий и Технологического института И.-Ф. Л. Ястржембский стремились распространять свои взгляды в процессе учебных занятий. Чиновник министерства внутренних дел А. П. Беклемишев написал серию писем об учении Фурье и рассылал их знакомым. Целям печатной пропаганды призвана была служить типография, которую создавали Спешнев и Филиппов. И хотя эта попытка закончилась неудачей, все же печатное слово заняло важное место в деятельности петрашевцев.

Перу Филиппова принадлежал составленный в начале марта 1849 года комментарий к десяти библейским заповедям. Этот документ был рассчитан на то, чтобы помочь религиозно настроенным солдатам и крестьянам осознать несправедливость самодержавного строя. В частности, в комментарии к третьей заповеди (запрещавшей призывать бога напрасно), было сказано: «Царь, который забыл свой

долг, не хочет заступиться за народ, унять господ и начальников, тот враг богу и людям, и власть его не от господа бога, а от сатаны». Комментарий к заповеди четвертой (запрещавшей работу в воскресенье) гласил: «Видали мы господ, что, почитай, целую неделю гоняют бедных мужичков на барщину. Придет праздник господен, и рад бы мужичок справиться его по-христиански, да глядишь, то сено не убрано, то хлеб пора сжать, то дров навозить, а дома и холодно и голодно. Как быть?.. Пошел мужичок на работу, и в праздник ему не праздник. А кто причина, что мужичок не справляет праздника божия? Господин». Еще один комментарий — к шестой заповеди («не убий»): «Все вы идете смотреть, как наказывают мужичков, что посмели ослушаться господина или убили его. Разве вы не понимаете, что они исполнили волю Божию и что принимают наказание, как мученики за своих ближних? Разве не будете защищаться, коли нападут на вас разбойники? А помещик, обижающий крестьян своих, не хуже ли он разбойника?» Так, исподволь, не полемизируя с религиозным чувством читателей, прокламация подводила их к осознанию глубокой несправедливости царивших порядков, подсказывала необходимость борьбы за свои права.

Петрашевцы заботились, чтобы их слово доходило до различных слоев общества. Именно с этой целью Петрашевский решил принять участие в выпуске «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Это издание было предпри-

нято капитаном Н. С. Кирилловым, издателем пособий для военно-учебных заведений. Петрашевский предложил Кириллову свои услуги — редактировать словарь и написать ряд статей для второго выпуска. Соблазненный предельной скромностью испрошенного гонорара, капитан охотно согласился.

Приступив к делу, Петрашевский расширил план «Словаря», ввел ряд новых слов. Это позволило ему изложить основные положения утопического социализма, главные статьи конституции, завоеванной французской революцией конца XVIII века, подвергнуть критике пороки самодержавно-крепостнического строя в России.

Около сорока статей написал Петрашевский для второго выпуска. Представленные им тексты привели в трепет боязливого цензора Крылова, но автору удалось обойти цензуру.

Приведем несколько выдержек из включенных в «Словарь» статей Петрашевского. В статье «Организация производства» он излагал мысль о том, что в жертву капиталу приносятся личность и права человека, что необходимо «отыскивать способы к устранению этого общественного зла». В статье «Нормальное состояние» Петрашевский писал, что «нормально развитым или благоустроенным обществом... будет то, которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям». Казалось бы, невинно содержание статьи «Национальное собрание». Но один из приставленных к Петрашевскому шпионов — Наумов

доносил, что Петрашевский прочел ему эту статью, восхвалявшую демократические порядки, введенные Французской революцией 1789 года. При этом Петрашевский доверительно сказал Наумову, что «под Францией тут следует разуместь Россию», намекнув, что мечтает о таких же преобразованиях в России.

«Словарь», отразивший взгляды Петрашевского и его сподвижников, был высоко оценен Герценом: «Словарем,— говорил он,— петрашевцы удивили всю Россию». В условиях полицейского режима Николая I это действительно был акт отчаянной смелости.

Второй выпуск «Словаря» был отпечатан в апреле 1846 года. Вскоре, 14 мая, на заседании петербургского цензурного комитета его председатель Мусин-Пушкин заявил, что, прочтя эту книгу, он «нашел в ней многие мысли и выражения неприличные, могущие служить поводом для умов легкомысленных к толчкам и заключениям лживым и вредным».

Дело передали на усмотрение высшего начальства. Министр народного просвещения Уваров нашел, что «это сочинение наполнено многими мыслями непозволительными и вредными». Цензор Крылов получил строгий выговор, книгу было предписано немедленно изъять. Из двухтысячного тиража 345 экземпляров уже было распродано, остальные были свезены в цензурный комитет.

Спустя несколько лет — 3 февраля 1853 года — по приказу Николая I второй выпуск «Словаря» предали огню, так как он был

«наполнен ядом социализма, коммунизма и прочих современных безумств».

Выпуск этого «Словаря» — одна из блестящих страниц пропагандистской деятельности петрашевцев.

4

Не следует, однако, представлять себе группу людей, которая объединительно именуется «петрашевцами», как некий однородный в политическом отношении коллектив. В кружке довольно отчетливо вырисовывались два направления. К сторонникам революционно-демократического направления (в духе взглядов Белинского и Герцена) принадлежали: М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев, А. В. Ханыков, П. Н. Филиппов, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев, Д. Д. Ахшарумов и другие. Вторая группа — А. П. Беклемишев, Н. Я. Данилевский, К. И. Тимковский и другие — стояла на позициях либерализма.

В среде петрашевцев наиболее радикальных взглядов держался Н. А. Спешнев (1821—1882). В 1839 году, не завершив курса, Спешнев вышел из Александровского лицея и позже закончил факультет восточных языков петербургского университета. Под предлогом продолжить образование Спешнев решил выехать за границу. На докладе об этом шефа жандармов Орлова царь Николай I собственноручно начертил буквально следующее: «Можид и здесь в университете учится, а в

их лета шататься по белому свету вместо службы и стыдно и недостойно благородного звания за сим ехать могуд ежели хотят».

Спешнев ненадолго выехал за рубеж. В июле 1846 года он вернулся в Россию, и с 1847 года начал посещать «пятницы» Петрашевского.

Поездка Спешнева за границу преследовала отнюдь не увеселительные цели. Недаром позже следственная комиссия констатировала, что Спешнев «возвратился в Россию, проникнутый коммунистическими идеями» и мечтами «о способах в том же духе произвести переворот и в нашем общественном быте». Спешнев за границей ознакомился с работами Карла Маркса, позже прочел «Манифест Коммунистической партии», изучал труды Фейербаха. В одной из бесед с Петрашевским он сказал, что хочет объявить себя главою партии коммунистов и ставит своей целью организацию крестьянского восстания. Спешнев был убежденным сторонником крестьянской революции, как единственного, по его мнению, средства для низвержения самодержавия и крепостничества, для уравнивания крестьянства в правах с другими сословиями. После совершения революции, считал Спешнев, необходимы национализация земли, обобществление всего народного хозяйства.

Тайные агенты сообщали о Спешневе, что на одном из собраний он читал составленный им план организации общества, «содержание которого заключалось в том, что есть три неправительственные пути действия: иезуитский,

Н. А. Спешнев.

пропагандный и восстание... Больше шансов, если взять все три дороги... Для этого надобно учредить один центральный комитет, которого занятие будет состоять в создании частных: комитета товарищества, комитета для устройства школ пропаганды фурьеристской, коммунистической и либеральной, и, наконец, комитет тайного общества на восстание».

Спешнев хорошо понимал необходимость конспирации для участников революционного подполья и составил проект «Обязательной подписки для членов тайного общества». В проекте, в частности, говорилось: «Когда Распорядительный комитет общества... решит, что настало время бунта, то я (член тайного общества. — П. К.) обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке, т. е. что по извещению от комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном мне месте, обязываюсь явиться туда и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием, или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания».

Общепризнанный глава кружка — Петрашевский не во всем разделял взгляды Спешнева. Правда, в 1848 году Спешнев, Петрашевский и Момбелли обсуждали вопрос о создании подпольной революционной организации во главе с центральным комитетом, которая должна была сплотить революционные силы всей страны (они не успели претворить в жизнь этот план!). Но в вопросе о

восстании Петрашевский занимал более осторожную, нежели Спешнев, позицию. В одном из тайных доносов шпиона сообщалось о заявлении Петрашевского на собрании кружка: «нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе».

В кружке петрашевцев выделялся своими взглядами и Н. А. Момбелли. В статье «Основание Рима и царствование Ромула», прочитанной осенью 1848 года перед товарищами, он писал: «И теперь еще пробегает холодный трепет по жилам при воспоминании о виденном мною кусочке хлеба, которым питаются крестьяне Витебской губернии: мука вовсе не вошла в его состав, он состоит из мякины, соломы и еще какой-то травы... видом похож на высушенный конский навоз, сильно перемешанный с соломой. Хотя я противник всякого физического наказания, но желал бы чадолюбивого императора в продолжение нескольких дней посадить на пищу витебского крестьянина».

В судебном деле указывалось, что в рукописных сочинениях Момбелли содержатся «в высшей степени дерзкие выражения против священной особы государя и даже воззвание к уничтожению императорского достоинства». Момбелли, как и Петрашевский, как Спешнев и ряд других участников кружка, был республиканцем по своим убеждениям.

Страстно мечтал о свободе поэт-петрашевец А. Н. Плещеев; он восклицал:

По чувствам брата мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,

И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной¹.

Нельзя умолчать еще об одной черте петрашевцев. Это их патриотизм, их верная, преданная, сыновняя любовь к Родине, к России. Для большинства петрашевцев была ненавистна политическая отсталость страны. Выражая мысли и чаяния многих своих сотоварищей, А. П. Баласогло мечтал о прогрессивном развитии России, он с любовью писал о русском народе, который неумоимо стремится к просвещению. Баласогло возмущенно отвергал утверждение о том, что в России «нет мысли и воли на просвещение». «В России, — писал он, — есть и должно быть все», в ней все больше становится передовых общественных деятелей: «Они рождаются, что ни день, то горсть, что ни десяток лет, то поколение».

Передовая общественная мысль распространялась не только в царской столице. Петрашевцы были связаны со своими единомышленниками далеко за пределами Петербурга. Кружки, по духу близкие ко взглядам петрашевцев, действовали в Москве, в Ревеле, Ростове, Казани, Тамбове и в других городах.

Итак, преклоняясь перед Фурье, петрашевцы по существу опередили его. Идеи Белинского и Герцена увлекли лучшую часть круж-

¹ Это стихотворение было популярным в семье Ульяновых. Его хорошо знал и любил отец В. И. Ленина Илья Николаевич Ульянов.

ка. После революционных событий в Европе в 1848 году более явственным стало размежевание кружка. Сторонники умеренного направления считали нужным ограничиться мирной пропагандой идеей Фурье. Революционное ядро кружка верило в близость революции в России и стремилось ускорить этот взрыв. Они приходили к выводу о необходимости поднять крестьян на борьбу против самодержавия и крепостного строя.

Деятельность кружка Петрашевского являлась одним из этапов формирования революционно-демократического лагеря. Недаром В. И. Ленин исчислял существование «социалистической интеллигенции» в России «начиная от кружка петрашевцев, примерно».

Мы вправе поэтому рассматривать петрашевцев как предшественников русской социал-демократии.

5

И вот состоялась предпоследняя «пятница». Это было 15 апреля 1849 года. Дрожащим от волнения голосом Ф. М. Достоевский читал знаменитое письмо Белинского к Гоголю. Присутствовало около двадцати человек. Они слушали, затаив дыхание. В этом письме Белинский беспощадно критиковал Гоголя за его реакционные высказывания в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», где Гоголь унизился до защиты самодержавия и

крепостного права. Белинский, обращаясь к Гоголю, гневно восклицал: «Или вы больны — и вам надо спешить лечиться, или... не смею досказать своей мысли!.. Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги, — ведь вы стоите над бездною...»

В этом же письме Белинский со всем пылом своей революционной страсти бичует самодержавно-крепостнический строй, человеконенавистнические порядки николаевского режима, «гнусное русское духовенство»... Белинский пишет здесь, что «самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Известно, что В. И. Ленин называл письмо Белинского к Гоголю «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»¹.

Письмо вызвало всеобщий восторг участников «пятницы». Его решено было размножить.

Это была предпоследняя «пятница» петрашевцев.

Уже давно велся шпионский надзор за деятельностью кружка. Тайный агент Антонелли с января 1849 года регулярно доносил своему шефу об «известном лице», как было зашифровано имя Петрашевского.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94

21 апреля 1849 года шеф жандармов А. Ф. Орлов представил царю обзор «дела» петрашевцев — три тетради со списком «преступников», с «описанием действий каждого из них и с обозначением их жительствова». Граф Орлов при этом писал царю: «...в обзоре Вы изволите усмотреть удобное средство к арестованию виновных». Резолюция Николая I гласила: «Я все прочел; дело важно... оно в высшей степени преступно и нестерпимо... Приступить к арестованию... С богом! да будет воля его».

Большинство петрашевцев было арестовано около четырех часов ночи на 23 апреля после очередного (последнего) собрания кружка. Арестованных доставили в тюрьму III отделения у Цепного моста (ныне мост Пестеля). Отсюда их вскоре перевезли в одиночные камеры Петропавловской крепости. Петрашевский был заключен в камеру № 1 Секретного дома Алексеевского рavelина.

Условия заточения в крепости довольно подробно описал Ахшарумов. После того как карета доставила узника в крепость, двое сопровождающих провели его через мостик в тюрьму Алексеевского рavelина. Несколько шагов по полутемному коридору. Сбоку отворилась массивная дверь тюремной одиночки. «Темнота, спертый воздух, неизвестность... произвели на меня потрясающее впечатление; я потребовал свечу», — вспоминал Ахшарумов. Тусклый свет озарил маленькую узкую камеру. Тюремщики приказали узнику надеть длинную рубаху из грубого холста и

такие же холщовые, выше колен, чулки. Серый, заношенный и изорванный халат из солдатского сукна и широкие стоптанные туфли дополнили одеяние узника. Затем на окне был зажжен слабый светильник — черепок, наполненный салом. Тюремщики собрали и унесли одежду заключенного. Когда забрезжил рассвет, Ахшарумов смог осмотреть свое обиталище. Это была грязная камера «длиною около двух с половиной сажень и шириной в полторы сажени». Стены, оштукатуренные известкой, давно утратили свой белый цвет. Окно с мелкими клетками стекол до верхнего ряда было покрашено. В верхнем ряду — крохотная форточка. За окном виднелись железные прутья решетки. Окно располагалось напротив двери — массивной, окованной железом, с прорезью — «глазком». Справа от двери небольшую часть стены занимала грязная изразцовая печь, обращенная топкой в коридор. В камере имелась кровать с грязным матрасом, подушкой, набитой соломой, и солдатским одеялом. «Меблировка» эта дополнялась столиком, табуреткой и парашей. Узник встал на табурет и увидел за окном треугольный дворик, обнесенный крепостной стеной. Под окном мерными шагами ходил часовой.

О питании заточенных мы узнаем из мемуаров П. А. Кузьмина: в полдень на обед выдавался мутный суп, ломоть черного хлеба и искрошенная вываренная говядина, приправленная специями, чтобы заглушить запах начавшегося гниения мяса. В шесть часов вече-

ра узники получали тот же мутный суп и кружку чая.

Правда, несколько лучшим было положение состоятельных заключенных, — им разрешалось за свои деньги приобретать продукты, вино и табак.

Кузьмин сообщает, что за все время пребывания в крепости — от ареста до высылки — все эти восемь месяцев он не мог ни разу помыться и тело его покрылось «черногрязной корой вроде шелухи».

Так же встретила тюрьма Алексеевского равелина и других петрашевцев. Впрочем, арестантов было так много, что в Алексеевском равелине они не поместились. В этой тюрьме были заточены Петрашевский, Баласогло, Дуров, Филиппов, Достоевский, Ястржебский и другие. В Трубецком бастионе содержались — Ахшарумов, Кашкин, Шелков, Европеус... В Зотовском бастионе — Тимковский, Берестов... В Никольской куртине — Спешнев, Момбелли, Григорьев, Кайданов... В Екатерининской куртине — Ханьков, Плещеев... Всего в камерах тюрем Петропавловской крепости было заточено 43 петрашевца.

Одновременно с массовой «арестацией» 23 апреля 1849 года Николай I назначил «Секретную следственную комиссию, высочайше учрежденную в Петербургской крепости над злоумышленниками». Эту комиссию возглавил комендант крепости генерал И. А. Набоков. Комиссия получила от царя директиву: «чтобы к производству сего следственного дела приступлено было немедленно и чтобы

оное, по важности своей, обследовано было во всех видах и подробностях».

К началу августа выяснилось, что следственная комиссия не располагает сколько-нибудь существенными данными о «преступлениях» петрашевцев. Тогда Николай I приказал устроить новую облаву в Петербурге. «Пусть посадят, — писал он в следственную комиссию, — половину жителей столицы, но пусть отыщут все нити заговора». И ночные аресты возобновились.

Следственная комиссия рассмотрела материалы об участии в деле более двухсот человек, которые были указаны в шпионских донесениях либо упоминались в показаниях арестованных петрашевцев. В работе комиссии не было и тени объективности. Следователи не желали выслушивать объяснений заключенных и, например, Петрашевскому открыто заявили, что «говорить он должен не то, что считает сам нужным, а то, что нужным считает комиссия, чтобы он говорил». Но, как ни старались следователи, все же список обвиненных впоследствии сократился раз в десять.

В распоряжении следствия оказались тюки книг, записок, статей и других документов, изъятых при арестах и обысках. Сюда прибавлялись секретные донесения жандармских агентов. Почти сразу же — 26 апреля — была создана еще одна, вспомогательная, комиссия «для разбора всех бумаг арестованных лиц». Ее возглавил статс-секретарь князь А. Ф. Голицын.

Комиссии заседали, росло количество следственных документов... 20 мая Голицын передал следственной комиссии бумаги Спешнева. Они произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Среди документов был проект «Обязательной подписки для членов тайного общества», сообщения Тимковского об организованных им кружках и другие материалы.

Все это было неожиданно, и на объявленный 23 мая приказ Николая I ускорить разбор дела следственная комиссия ответила, что «представляются такие обстоятельства, которые ведут к новым важным открытиям, так что прежде бывшие в виду преступления изменяются». Это частично расшифровал помощник шефа жандармов Дубельт, отметивший в дневнике заседаний следственной комиссии, что деятельность Спешнева «далеко преступнее бывшего прежде в виду преступления Петрашевского». Панические настроения членов следственной комиссии дошли до того, что они запросили разрешения заковать Спешнева в кандалы в случае запирательства. Такое разрешение было немедленно получено (от наследника престола Александра Николаевича), однако с лицемерным условием: «если эта мера употреблялась прежде». Тогда начальство Петропавловской крепости услужливо сообщило, что в прошлом имелись случаи наложения оков «на политических преступников дворянского состояния» (в частности — на некоторых декабристов), и произвол таким образом был узаконен.

Найденная в бумагах Спешнева «Обяза-

тельная подписка» использовалась как одна из важнейших улик по обвинению петрашевцев в организации тайного противоправительственного общества.

Арестантов приводили в обер-комендантский дом, и следователи без конца требовали «чистосердечных признаний». Ястржембский в своих воспоминаниях рассказывает, что председатель следственной комиссии Набоков несколько раз высказал убеждение, что если человек арестован и особенно если он посажен в Алексеевский равелин, то ему нечего ожидать ничего другого, кроме плахи, или, по крайней мере, каторги.

На допросе один из членов следственной комиссии заявил Ахшарумову:

— Вы говорили нам, что вы ничего не знаете, и мы поверили тому, но теперь из дела обнаружилось, что вы один из более виновных, замышлявших произвести государственный переворот. Вы стремились перевернуть вверх дном весь настоящий порядок — разрушить все города!

Ахшарумов понял, что в руки следователей попал текст его речи, произнесенной на обеде в честь Фурье. Он настаивал на том, что не имел в виду никакого насильственного переворота. На это последовало:

— Да, только хотели разрушить столицы и города!.. Знаете ли вы, что ожидает вас по закону?

При этих словах князь Гагарин раскрыл том законов и прочитал место, в котором говорилось о каре смертной казнью.

...Машина следствия работала безостановочно. 24 мая комиссия Голицына представила разобранные документы Момбелли. В их числе был дневник, в котором Момбелли записал: «Деспотизм враждебен всякому умственному образованию и всякому истинному праву. Поэтому стараются унижить обыкновенных смертных, еще более их поработить, если то еще возможно, действуя непрерывным страхом». Здесь же содержались отрывки из статьи Момбелли «Основание Рима», бичующие Николая I. Теперь и в Момбелли следователь увидел «главаря общества».

Арестованные петрашевцы вели себя по-разному. В следственных делах, в показаниях членов кружка порой ощутимы и страх, и раскаяние, и стремление оправдаться, и даже попытки убедить следователей в правоте своих убеждений. Некоторые слабые духом участники кружка особенно тяжело переживали условия заточения. Пища приготавливалась в плохо луженой посуде, отчего узники испытывали острые боли в желудке; хлеб выдавался непеченным, вода содержала какие-то едкие примеси. Петрашевский, например, как о милости, просил у следователей разрешения «есть то же кушанье, что варят себе солдаты». Вскоре у Петрашевского началось кровохарканье, кожа на руках трескалась и слезала. И все же Петрашевский не пал духом. Он и в тюрьме оставался вожаком своих единомышленников.

26 мая генерал Набоков показал другим членам следственной комиссии куски клеевой

окраски камеры, на которых Петрашевский нацарапал советы своим товарищам, заточенным в тюрьме Алексеевского рavelина. Эти куски отбитой окраски Петрашевский подбросил в тюремном треугольном садике во время прогулки. В записках содержались указания: «Очных ставок требовать; письменным показаниям не верить; ложных свидетелей бояться; против них протестовать. Не говорить ничего плохого о других. Требовать явки обвинителя... Требуйте всегда, чтобы вам давали заверенные копии ваших ответов. Не давать влиять на себя или запугивать, быть спокойным. Терпение и мужество. Вмешивать как можно меньше лиц...

Не отвечать на вопросы неопределенные, неясные, вкрадчивые, требовать, чтоб их вам объяснили... Задавать вопросы следователю. Стараться по возможности стать в положение нападающего, задавать вопросы навстречу. Таким образом выяснить, что он хочет и что он надеется найти».

И Петрашевский стремился выполнять эти преподанные им самим советы. Он потребовал отвода одного из членов следственной комиссии, вел себя непреклонно на допросах. По мнению комиссии, его «дерзость вышла из границ».

Петрашевский возмущался, что с ним обращаются «как с вором и разбойником... как злодеем, совершившим тяжкое преступление». Вскоре после заточения ему стало ясно, что памятный обед в честь Фурье следователи рассматривают как важнейшее обвинение. И в

своём втором показании (19—26 мая) он писал комиссии: «Ужели обед есть то ужасное обстоятельство... которое заставило испрашивать высочайшего повеления, чтоб сделать нас арестантами! 13 человек обедают сытно... один говорит о будущем счастье человечества, другой предлагает тост знанию действительности — что же тут возмутительного?.. Если в таком обеде видеть что-нибудь злоумышленное, — иронизировал Петрашевский, — тогда нельзя позвать на именины приятелей к себе, обедать с ними, пить за здоровье Степаниды Петровны — Петра Карповича, рассуждать даже и о погоде... Лучше ль делать, как водится с некоторыми молодыми людьми знатных фамилий... обливаться сивухой и кататься по полу одиноко мертвецки, или в компании!»

Петрашевский писал в своих показаниях следственной комиссии о той ненависти, которую питает русский народ к царским опричникам. Он отмечал, что «многие, особенно в отдалении от столицы, услыша имя Леонтия Васильевича Дубельта — неожиданно произнесенном... вздрагивают, как при ударе грома, крестятся и говорят: «да сохранит нас сила небесная». Петрашевский напоминал следователям слова первого министра Людовика XIII герцога Ришелье, который, хвастаясь своим умением передергивать факты, ложно трактовать слова противников, заявил: «Напишите семь слов, каких хотите, и я из этого выведу вам уголовный процесс, который должен кончиться смертной казнью». В этой связи Петрашевский писал в своих показаниях,

Ф. М. Достоевский.
С рис. К. А. Трутовского. 1847 г.

ловеком и остаться им навсегда. В Секретном доме, во время своего заключения, Достоевский создал повесть «Маленький герой». Во время редких пятнадцатиминутных прогулок писатель, чтобы дать хоть какую-нибудь пищу уму, пересчитывал деревья в тюремном двореке Алексеевского рavelина.

Следствие шло к концу. 17 сентября 1849 года комиссия подписала свой доклад царю. Дело петрашевцев перешло в руки специальной военно-судной комиссии под председательством генерала В. А. Перовского (брата министра внутренних дел). От судей Николай I требовал «применять закон во всей строгости».

После полуторамесячной работы военно-судная комиссия вынесла приговор. Затем материалы дела поступили на рассмотрение высшего военного суда — генерал-аудиториата.

В духе категорического предписания царя, из общего числа 23 подсудимых 21 был приговорен «к смертной казни расстрелянием»... Правда, генерал-аудитор позволил себе робко ходатайствовать о смягчении наказания всем осужденным: надо было дать возможность императору продемонстрировать свою «гуманность». Николай I решил заменить казнь «расстрелянием» каторгой. Он до мельчайших деталей разработал церемонию расправы над петрашевцами. Гнусной инсценировкой расстрела на Семеновском плацу царь пытался запугать не только петрашевцев, но и всю свободомыслящую Россию.

Дни узников в ожидании приговора гянулись невыносимо долго. Читателю уже известно, что приговор свой они узнали только на эшафоте...

* * *

Нельзя понять деятельность петрашевцев, не определив их связи с предыдущим и последующим общественным движением нашей Родины. Многие члены кружка Петрашевского испытывали на себе сильнейшее воздействие Белинского. Например, по словам Достоевского, именно Белинский посвятил его в социалистическую правду. В свою очередь, общение с петрашевцами помогло Н. Г. Чернышевскому встать на путь революционной борьбы. Чернышевский уже был подготовлен к тому, чтобы стать активным участником «пятниц». Он записал в своем дневнике: «Я, например, сам никогда не усумнился бы вмешаться в их общество, и со временем, конечно, вмешался бы». Аресты апрельской ночью 1849 года предотвратили вхождение Чернышевского в кружок петрашевцев. И спустя два дня после массовых арестов Чернышевский в своей дневниковой записи заметил, что виселицы достойны главные вдохновители правительственной реакции.

Сочувствие к петрашевцам питал и Н. А. Некрасов. Он сопоставлял их дело с восстанием декабристов:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,

Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.

После кончины Петрашевского в далекой сибирской ссылке, герценовский «Колокол» писал: «Да сохранит потомство память человека, погибшего ради русской свободы!»

С благодарностью и уважением к памяти этих людей мы вспоминаем об их благородной деятельности в освободительной борьбе народов России.

Брошюрой «Петрашевцы» издательство завершает выпуск серии «Узники Петропавловской крепости».

В серии вышли:

А. Н. Радищев

К. Ф. Рылеев

П. И. Пестель

П. Г. Каховский

А. А. Бестужев-Марлинский

С. П. Трубецкой

С. И. Муравьев-Апостол

М. П. Бестужев-Рюмин

М. Л. Михайлов

Н. Г. Чернышевский

Микаел Налбандян

Н. А. Морозов

А. И. Желябов

Г. А. Лопатин

П. Ф. Якубович

А. И. Ульянов

М. С. Ольминский

А. С. Шаповалов

П. Н. Лепешинский

Н. Э. Бауман

В. П. Ногин

Ф. В. Ленгник

А. М. Горький

Солдаты-павловцы.

Павел Яковлевич Канн
„Петрашевы“

Редактор С. М. Серпокрьл
Художник-редактор О. И. Маслаков
Художник К. Ю. Швец
Технический редактор Т. П. Гладышева
Корректор Н. Г. Фомичева

Сдано в набор 12/І 1968 г. Подписано к печати 20/ІІІ 1968 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Усл. печ. л. 1,76. Уч.-изд. л. 1,53.
Тираж 57 000 экз. М-24125. Зак. № 134-л.
Работа объявлена в Т. п. 1967 г., № 115.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57
Цена 5 коп.

СКОРО ВЫЙДЕТ В СВЕТ

**сборник
„УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ“**

В сборник включены изданные ранее брошюры и вступительная статья о крепости-тюрьме.

5 коп.

1968
Лениздат